

В клубе «Только стихия, только поэзия» 20 марта 2013 года

Собрались в 404-ой раз!!!

Виктор Мирочник прочёл несколько афоризмов:
"Большинство людей, стремящихся к цели, способны скорее сделать одно большое усилие, чем упорно идти избранной дорогой". Жан де Лабрюйер

"Чтобы оправдаться в собственных глазах, мы нередко убеждаем себя, что не в силах достичь цели; на самом же деле мы не бессильны, а безвольны". Франсуа де Ларошфуко

"Через осуществление великих целей человек обнаруживает в себе и великий характер, делающий его маяком для других". Георг Вильгельм Фридрих Гегель

"Источник страха - в вашем сердце, а не в руках устрашающего". Джебран Халиль Джебран

"Опасность всегда существует для тех, кто ее боится". Джордж Бернард Шоу

"Вы сможете справиться с любой ситуацией, если поборете свои страхи и продолжите Ваше дело". Анна Элеанора Рузвельт

"Тверже тот, кто победил желания, а не воинов. Храбрее тот, кто одолел себя". Аристотель

"Побеждают лишь те, кто сражается". Луи де Сент-Жюст

"Высшим отличием человека является упорство в преодолении самых жестоких препятствий". Бетховен

"У тех, кто является любимцем небес, самые большие горести превращаются в столь же великие

блага; потому что нужда порождает утомленья и
усилья, а это чаще всего приводит к славе
бессмертного сияния".

Джордано Бруно

Виктор Мирочник прочёл несколько
юмористических фраз:

Армейские афоризмы

Выходите, кто вчера бегал в самоволку
разрядиться?

Чем это у вас тут специфическим пахнет?

Кто вчера в увольнительной был награжден
женскими ласками, быстренько на показ к врачу.
Насчет выражений нецензурным матом, чтобы я
больше в строю не слышал, для этого есть сортир -
вот там и упражняйтесь, кто кого переплюнет.

Ша-а-а-аго-о-о... Отставить! С какой ноги

приготовились? Забыли, где у вас первая нога?

Убрать смешочки с лица, тут вам не клоун перед
вами командует. А то счас пробежкой развеселю.

Напоминаю, товарищи офицеры, что вы тоже в
армии, хотя и давно.

Виктор Мирочник прочёл статью и стихи Майкова
Аполлона:

Майков Аполлон (4.06.1821 – 20.03.1891)

В день, который мы собрались, он умер.

122 года назад.

Майков Аполлон Николаевич - один из главных
поэтов послепушкинского периода, сын Николая
Аполлоновича Майкова, род. 4 июня 1821 г.,

первоначальным своим развитием обязан В. А. Солоницину и И. А. Гончарову, преподававшему ему русскую литературу. Стихи стал писать с 15-ти лет. Поступив в 1837 г. в спб. унив. по юридич. факультету, Майков мечтал о карьере живописца, но лестные отзывы Плетнева и Никитенко о его первых поэтических опытах, в связи с слабостью зрения, побудили его посвятить себя литературе. В 1842 г. Майков предпринял заграничное путешествие, около года жил в Италии, затем в Париже, где вместе с своим братом, Валерианом Николаевичем, слушал лекции в Сорбонне и College de France; на обратном пути близко сошелся с Ганкою в Праге. Результатом этой поездки явились с одной стороны "Очерки Рима" (СПб., 1847), а с другой кандидатская диссертация о древнеславянском праве. Служил Майков сначала в министерстве финансов, затем был библиотекарем Румянцевского музея до перенесения его в Москву, потом был председателем комитета иностранной цензуры. Поэзия Майкова отличается ровным, созерцательным настроением, обдуманностью рисунка, отчетливостью и ясностью форм, но не красок, и сравнительно слабым лиризмом. Последнее обстоятельство, кроме природных свойств дарования, объясняется отчасти и тем, что поэт слишком тщательно работает над отделкою подробностей, иногда в ущерб первоначальному вдохновению. Стих Майкова в лучших его произведениях силен и выразителен, но вообще не отличается звучностью. По главному своему содержанию, поэзия Майкова определяется, с одной стороны, древнеэллинским эстетическим мирозерцанием, с явно преобладающим эпикурейским характером, с другой - преданиями русско-византийской политики. Темы того и другого рода, хотя внутренне ничем не связанные между собою, одинаково дороги поэту. Как на второстепенный мотив, заметный более в первую половину литературной деятельности Майкова, можно указать на мирные впечатления русской сельской природы, которым поэт имел особенные удобства отдаваться, вследствие своей страсти к рыболовству. Майков сразу приобрел себе литературное имя стихотворениями "в

антологическом роде", из которых по ясности и законченности образов выдаются: "Сон", "Воспоминание", "Эхо и молчание", "Дитя мое, уж нет благословенных дней", "Поэзия"; выше всяких похвал в своем роде "Барельеф". Одна из "эпикурейских песен" начинается редким у Майкова лирическим порывом:

"Мирта Киприды мне дай!

Что мне гирлянды цветные?",
но затем во второй строфе грациозно переходит в обычный ему тон:

"Мирта зеленой лозой

Старцу, венчавшись, отрадно

Пить под беседкой густой,

Крытой лозой виноградной".

Характерно для поэзии Майкова стихотворение "После посещения Ватиканского музея".

Скульптурные впечатления этого музея напоминают поэту другие такие же впечатления из раннего детства, сильно повлиявшие на характер его творчества

"Еще в младенчестве любил блуждать мой взгляд

По пыльным мраморам потемкинских палат.

Антики пыльные живыми мне казались,

И властвуя моим младенческим умом,

Они роднились с ним, как сказки умной няни,

В пластической красе мифических преданий...

Теперь, теперь я здесь в отчизне светлой их,

Где боги меж людей, прияв их образ, жили

И взору их свой лик бессмертный обнажили.

Как дальний пилигрим, среди святынь своих,

Средь статуй я стоял..".

В превосходном стихотворении "Розы" (отдел "Фантазии") мгновенное впечатление переносит поэта из современного бала в родной ему античный мир

"...Ах, вы всему виною

О розы Пестума, классические розы!".

Там же замечательное стихотворение

"Импровизация" - единственное, в котором пластическая поэзия Майкова весьма удачно входит в чуждую ей область музыкальных ощущений:

"Но замиравшие опять яснее звуки...

И в песни страстные вторгается струей

Один тоскливый звук, молящий, полный муки...

Растет он, все растет, и льется уж рекой...

Уж сладкий гимн любви в одном воспоминанье
Далеко трелится... но каменной стопой
Неумолимое идет, идет страданье

И каждый шаг его грохочет надо мной...

Один какой-то вопль в пустыне беспредельной
Звучит, зовет к себе... увы! надежды нет!...

Он ноет... и среди громов ему в ответ

Лишь жалобный напев пробился колыбельный".

Из "Камей" выдаются "Анакреон", "Анакреон у скульптора", "Алкивиад", "Претор" и особенно характерное выражение добродушного и невинного эпикурейства "Юношам":

"И напиться не сумели!

Чуть за столь - и охмелели

Чем и как - вам все равно

Мудрый пьет с самосознанием,

И на свет, и обоняньем

Оценивает он вино.

Он, теряя тихо трезвость,

Мысли блеск дает и резвость,

Умиляется душой,

И владея страстью, гневом,

Старцам мил, приятен девам,

И - доволен сам собой".

Из "Посланий" первое к Я. П. Полонскому очень метко характеризует этого поэта; прекрасно по мысли и по форме послание к И. А. Плетневу ("За стаю орлов двенадцатого года с небес спустился к нам стая лебедей"). Простотой чувства и изяществом выдаются некоторые веселые стихотворения Майкова. В отделе "Мисс Мери. Неаполитанский альбом" действительно преобладает альбомное остроумие, весьма относительного достоинства. В "Отзывах истории" истинным перлом можно признать "Емшан". Стихотворные рассказы и картины из средневековой истории ("Клермонтский собор", "Савонарола", "На соборе на Констанцском", "Исповедь королевы" и др.), сделавшиеся самыми популярными из произведений Майкова, заслуживают одобрения особенно за гуманный дух, которым они проникнуты. Главный труд всей поэтической жизни Майкова есть историческая трагедия, в окончательном своем виде названная "Два мира". Первый ее зародыш, забытый, по-

видимому, самим автором (так как он о нем не упоминает, когда говорит о генезисе своего произведения), мы находим в стихотв. (1845) "Древний Рим" (в отделе "Очерки Рима"), в окончании которого прямо намечена тема "Трех смертей" и "Смерти Люция".

"Ты духу мощному, испытанному в битве,
Искал забвения достойного тебя.
Нет, древней гордости в душе не истребя,
Старик своих сынов учил за чашей яду:
Покуда молоды, плюща и винограду!

.....

В конец исчерпай все, что может дать нам мир!
И выпив весь фиал блаженств и наслаждений,
Чтоб жизненный свой путь достойно увенчать,
В борьбе со смертью испробуй духа силы, -
И вокруг созвав друзей, себе открывши жилы,
Учи вселенную как должно умирать".

В 1852 г. на эту тему был написан драматический очерк "Три смерти", дополненный "Смертью Люция" (1863), и, наконец, лишь в 1881 г., через 36 лет после первоначального наброска, явились в окончательном виде "Два мира". Произведение, над которым так долго работал умный и даровитый писатель, не может быть лишено крупных достоинств. Идея языческого Рима отчетливо понята и выражена поэтом:

"Рим все собой объединил,
Как в человеке разум; миру
Законы дал и мир скрепил.
И в другом месте:
Единство в мире водворилось.
Центр - Кесарь. От него прошли
Лучи во все концы земли,
И где прошли, там появилась
Торговля, тога, цирк и суд,
И вековечные бегут
В пустынях римские дороги".

Герой трагедии живет верою в Рим и с нею умирает, отстаивая ее и против надвигающегося христианства; то, во что он верит, переживает все исторические катастрофы:

"О, Рим гетер, шута и мима, -
Он мерзок, он падет!.. Но нет,
Ведь в том, что носит имя Рима,
Есть нечто высшее!.. Завет

Всего, что прожито веками!
В нем мысль, вознесшая меня
И над людьми, и над богами!
В нем Прометеева огня
Неугасающее пламя!

.....
Мой разум, пред которым вся
Раскрыта тайна бытия...

.....
Рим словно небо, крепко сводом
Облегший землю и народам,
Всем этим тысячам племен
Или отжившим, иль привычным
К разбоям лишь, разноязычным
Язык свой давший и закон!".

Помимо этой основной идеи, императорский Рим вдвойне понятен и дорог поэту, как примыкающий к обоим мирам его поэзии - к миру прекрасной классической древности, с одной стороны, и к миру византийской государственности - с другой: и как изящный эпикуреец, и как русский чиновник-патриот Майков находит здесь родные себе элементы. К сожалению, идея нового Рима - Византии - не сознана поэтом с такою глубиной и ясностью как идея первого Рима. Он любит византийско-русский строй жизни в его исторической действительности и принимает на веру его идеальное достоинство, не замечая в нем никаких внутренних противоречий. Эта вера так сильна, что доводит Майкова до апофеоза Ивана Грозного, которого величие будто бы еще не понято и которого "день еще придет". Нельзя, конечно, заподозрить гуманного поэта в сочувствии злодеянием Ивана IV, но они вовсе не останавливают его прославления и в конце он готов даже считать их только за "шип подземной боярской клеветы и злобы иноземной". В конце своего "Савонаролы", говоря, что у флорентийского пророка всегда был на устах Христос, Майков не без основания спрашивает "Христос! он понял ли Тебя?" С несравненно большим правом можно, конечно, утверждать, что благочестивый учредитель опричнины "не понял Христа"; но поэт на этот раз совершенно позабыл, какого вероисповедания был его герой - иначе он согласился бы, что представитель христианского

царства, не понимающий Христа, чуждый и враждебный Его духу, есть явление во всяком случае ненормальное, вовсе не заслуживающее апофеоза. Стихотворение "У гроба Грозного" делает вполне понятным тот факт (засвидетельствованный самыми благосклонными к нашему поэту критиками, напр. Страховым), что в "Двух мирах" мир христианский, несмотря на все старания даровитого и искусного автора, изображен несравненно слабее мира языческого. Даже такая яркая индивидуальность, как апостол Павел, представлена чертами неверными: в конце трагедии Деций передает слышанную им проповедь Павла, всю состоящую из апокалиптических образов и "апологов", что совершенно не соответствует действительному методу и стилю Павлова проповедания. Кроме "Двух миров", из больших произведений Майкова заслуживают внимания: "Странник", по превосходному воспроизведению понятий и языка крайних русских сектантов; "Княжна", по нескольким прекрасным местам, в общем же эта поэма отличается запутанным и растянутым изложением; наконец "Брингильда", которая сначала производит впечатление великолепной скульптурной группы, но далее это впечатление ослабляется многословием действующих лиц. Майков - прекрасный переводчик (напр. из Гейне); ему принадлежит стихотворное переложение "Слово о Полку Игореве". В общем поэзия Майкова останется одним из крупных и интересных явлений русской литературы.

ПОД ДОЖДЕМ

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко от дома,
Мы спешили скрыться под мохнатой елью
Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью мшистой
Мы стояли точно в клетке золотистой,
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал
Капли дождевые, скатываясь с игол,
Падали, блистая, на твою головку,
Или с плеч катились прямо под суровку.
Помнишь - как все тише смех наш становился.
Вдруг над нами прямо гром перекатился -

Ты ко мне прижалась, в страхе очи жмуря.
Благодатный дождик! золотая буря!

1856

FORTUNATA

Ах, люби меня без размышлений,
Без тоски, без думы роковой,
Без упреков, без пустых сомнений!
Что тут думать? Я твоя, ты мой!
Все забудь, все брось, мне весь отдайся!..
На меня так грустно не гляди!
Разгадать, что в сердце, не пытайся!
Весь ему отдайся - и иди!
Я любви не числю и не мерю;
Нет, любовь есть вся моя душа.
Я люблю - смеюсь, клянусь и верю...
Ах, как жизнь, мой милый, хороша!..
Верь в любви, что счастьем не умчаться,
Верь, как я, о гордый человек,
Что нам ввек с тобой не расставаться
И не кончить поцелуя ввек...

1845

* * *

Весна! выставляется первая рама -
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.
Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон - даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

1854

* * *

Люблю, если, тихо к плечу моему головой
прислонившись,
С любовью ты смотришь, как, очи потупив, я
думаю думу,
А ты угадать ее хочешь. Невольно, проникнут
тобою,
Я очи к тебе обращаю и с твоими встречаюсь очами;
И мы улыбнемся безмолвно, как будто бы в
сладком молчаньи

Мы мыслью сошлись и много сказали улыбкой и
взором.

<1842>

ВОСПОМИНАНИЕ

В забытой тетради забытое слово!
Я всё прожитое в нём вижу опять;
Но странно, неловко и мило мне снова
Во образе прежнем себя узнавать...
Так путник приходит чрез многие годы
Под кровли отеческой мирные своды.
Забор его дома травой оброс,
И привязи псов у крыльца позабыты;
Крапива в саду прорастает меж роз,
И ласточек гнезда над окнами свиты;
Но всё в тишине ему кажется вкруг -
Что жив еще встарь обитавший здесь дух.

7 июня 1838, Ораниенбаум

* * *

Во мне сражаются, меня гнетут жестоко
Порывы юности и опыта уроки.
Меня влекут мечты, во мне бунтует кровь,
И знаю я, что всё - и пылкая любовь,
И пышные мечты пройдут и охладятся
Иль к бездне приведут... Но с ними жаль
расстаться!
Любя, уверен я, что скоро разлюблю;
Порой, притворствуя, сам клятвою шалю,-
Внимаю ли из уст, привыкших лицемерить,
Коварное "люблю", я им готов поверить;
Порой бешусь, зачем я разуму не внял,
Порой бешусь, зачем я чувство удержал,
Затем в душе моей, волнениям открытой,
От всех высоких чувств осадок ядовитый.

1843

* * *

Когда гоним тоской неутолимой,
Войдешь во храм и станешь там в тиши,
Потерянный в толпе необозримой,
Как часть одной страдающей души,-
Невольно в ней твое потонет горе,
И чувствуешь, что дух твой вдруг влился
Таинственно в свое родное море
И заодно с ним рвется в небеса...

ИЗ ПЕТРАРКИ

Когда она вошла в небесные селенья,
 Ее со всех сторон собор небесных сил,
 В благоговении и тихом изумленьи,
 Из глубины небес слетевшись, окружил.
 «Кто это? — шепотом друг друга вопрошали.—
 Давно уж из страны порока и печали
 Не восходило к нам, в сияньи чистоты,
 Столь строго девственной и светлой красоты».
 И, тихо радуясь, она в их сонм вступает,
 Но, замедляя шаг, свой взор по временам
 С заботой нежною на землю обращает
 И ждет, иду ли я за нею по следам...
 Я знаю, милая! Я день и ночь на страже!
 Я господу молю! Молю и жду — когда же?

1860

ГЕЙНЕ

(Пролог)

Давно его мелькает тень
 В садах поэзии родимой,
 Как в роще трепетный олень,
 Врагом невидимым гонимый.
 И скачем мы за ним толпой,
 Коней ретивых утомляя,
 Звеня уздечкою стальной
 И криком воздух оглашая.
 Олень бежит по ребрам гор
 И с гор кидается стрелою
 В туманы дремлющих озер,
 Осеребренные луною...
 И мы стоим у берегов...
 В туманах — замки, песен звуки,
 И благовония цветов,
 И хохот, полный адской муки...

1857

* * *

(Из Гейне)

Меня ты не смутила,
 Мой друг, своим письмом.
 Грозишь со мной всё кончить —
 И пишешь — целый том!
 Так мелко и так много...

Читаю битый час...
Не пишут так пространно
Решительный отказ!
1857

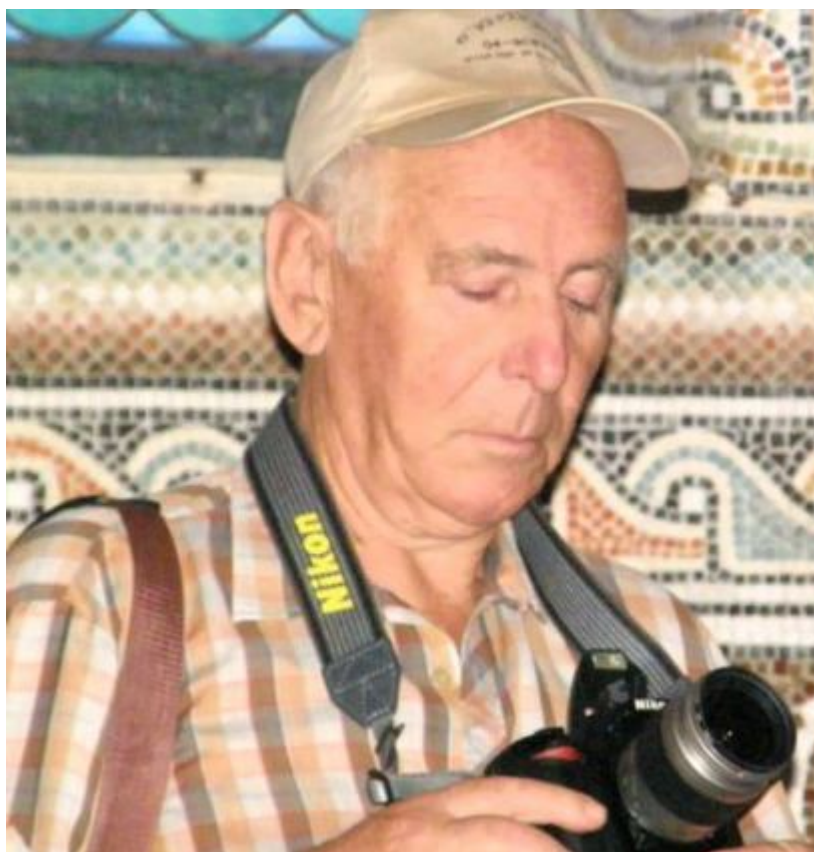

Константин Баскович прочёл:

Август Шрамм
«воспоминание»

Мрут миры из меня навзрыд
Миры миры
Чёрные тщетные светлые
Свет на свет!
Тленье жженье горенье
Паренье боренье роенье
Приближенье
Сближенье
С уже отзвеневшими желаниями
С уже раскатившимися рыданиями
С уже грубо высмеянными страхами
С уже склизко смятыми свечами
В половодье моей крови
В полыханье чувств
В пламени помыслов
Рвутся и трутся
Бьются и вьются
Пойти к тебе
Пути ко мне
Пути пойти
Пойти пути
К тебе ко мне!
Тебе

тропа
Мною оваянная
Тебе
Тропа
Тобою навеянная
Тебе
Тропа
Огнём изничтоженная
Тебе
Тропа
Никогда не хоженная
Не
Найденная
Тропа
Ко мне!

Ротенштейн Ефим прочёл «Гарики» Губермана:

Конечно, здесь темней и хуже,
но есть достоинство свое;
сквозь прутья клетки небо глубже,
и мир прозрачней из нее.

В тюрьме я, поневоле, слушал радио
и думал о загадочной России;
затоптана, загажена, раскрадена,

а песни - о душевности и силе.

На наш барак пошли столбы
свободы, равенства и братства;
все, что сработали рабы,
всегда работает на рабство.

В двадцатом удивительном столетии,
польстившись на избранничества стимул,
Россия показала всей планете,
что гений и злодейство совместимы.

Внезапной страсти убоясь,
предвидя тяготы и сложности,
мы льём разумных мыслей грязь
на блеск пугающей возможности

Леонид Манпель прочёл свои рассказы:
Несостоявшаяся сделка
Странник
Прыжок